

Михаил Геллер. Тоска по зоне¹⁰

Ты душе глоток озона... Здравствуй, зона!

Валентин Соколов

«Зияющие высоты» поразили читателей — русских и иностранцев, — потому что Александр Зиновьев первым предложил новый взгляд на советскую систему. Он отверг метод аналогии — отказался исследовать советское общество, сравнивая его с дореволюционной Россией или современным Западом. Зиновьев использует советские понятия, марксистскую терминологию для демонстрации не достоинств системы, а ее пороков. Антон Зимин — альтер эго писателя в «Светлом будущем» — излагает этот метод так: «Я готов дать противнику все преимущества, готов признать все, на чем он настаивает. Вы считаете, что революция была благом для России? Согласен. Партия и народ едины? Согласен. От каждого по способностям? Согласен. Каждому по потребностям? Согласен».

«Зияющие высоты» были открытием нового — советского — мира, законов, его регулирующих, открытие его обитателей. В последующих книгах, из которых сегодня можно уже составить небольшую библиотеку, писатель детально описывает этот мир, о котором знал все. Главные герои оставались те же: работники идеологического фронта, которые иногда усердно, часто нехотя, с иронической усмешкой, делали то, что от них требовалось.

Для Зиновьева эти жрецы советской идеологии представляют собой эссенцию советской интеллигенции: как римские авгуры, они посмеиваются при встречах, не переставая охмурять непосвященных. Как правило, разоблачителем системы в его книгах выступает умный, талантливый, все понимающий член касты, который терпит поражение в борьбе за место на иерархической лестнице (часто знаком такого поражения изображаются невыборы в члены-корреспонденты Академии Наук), ибо каста не нуждается в уме и талантах. «Так чего же ты хочешь?» — спрашивают одного из героев «Желтого дома». Его ответ суммирует желания основных персонажей Зиновьева: «Я бы хотел иметь житейские блага и житейский успех,

но за счет своих природных способностей, труда и мужества» (т. I, с. 181). Тема всех книг Зиновьева — невозможность осуществления естественных желаний человека в советской системе. Неумолимо, неизбежно система перемалывает человека, превращая его в гомо советикуса, в гомососа, как (по своему обыкновению) сокращает Зиновьев.

Логик по образованию, специальности и призванию — Александр Зиновьев подвергает логическому анализу советскую систему и открывает законы ее существования и функционирования. Система беспощадно расправилась с писателем — вынудила его переехать в другой мир, на Запад. И тем самым дала ему замечательную возможность экспериментальной проверки открытого дома закона.

В 1980 году Александр Зиновьев представляет результаты эксперимента в теоретической работе «Коммунизм как реальность». В 1982 году он возвращается к прославившему его жанру «Зияющих высот», «Светлого будущего», «В преддверии рая», «Желтого дома». Авторы многочисленных статей о творчестве писателя не смогли договориться относительно определения жанра этих книг. Видимо, лучше всего, назвать его — «зиновьевиадой». Разговор о жанре необходим, ибо главная особенность «зиновьевиады» определяет ее силу. Писавшие о Зиновьеве единодушно — и справедливо — отмечали смешение в его книгах всех известных жанров и стилей, философских размышлений и раешника, логического анализа и анекдотов. Сила зиновьевских книг, их острота, не оставляющая читателя равнодушным, связана не с многоликостью объединенных форм и стилей, и даже не с глубиной и блеском анализа. Особенность «зиновьевиады» в том, что писатель включает в анализ себя самого, делает и себя объектом изучения. С последовательностью, вызывающей восхищение, Александр Зиновьев кладет и себя на операционный стол, под микроскоп, и себя препарирует скальпелем, чтобы добраться до сокровенного секрета системы и сотворенного ею существа. История медицины знает героических врачей, прививавших себе страшные болезни, чтобы, наблюдая за их течением, помочь найти панацею. Обнаружив, что он, как все советские люди, заражен, Зиновьев приступил к изучению проявлений болезни и к поискам рецептов лечения.

«Гомо советикус», опубликованный в 1982 году, на мой взгляд, самая важная из книг Александра Зиновьева после «Зияющих высот». Книги, написанные после первой, развивали открытие, сделанное в «Зияющих высотах», дополняли картину советского мира, иллюстрировали ее новыми судьбами людей, превращаемых в крошево механизмом реального коммунизма. Значение «Гомо советикуса» — в изображении столкновения выпестованного советской системой существа с другим миром. До тех пор, пока Советский Человек остается дома, пока его качества, достоинства и пороки не проверены другой системой, он остается «вещью в себе». Остап Бендер рассказывал, что, как объяснил ему один доктор, «заграница — это миф о загробной жизни». Александр Зиновьев вывез гомо советикуса «в люди». Его книга могла бы называться «Наши за границей».

Книга под таким названием уже написана. Сочинил ее в 1890 году Н. Лейкин. Полный ее заголовок: «Наши за границей. Юмористическое описание поездки супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых в Париж и обратно». Сегодня слова «и обратно» звучат иронически. Но ни для читателей, ни для писателя о намеках или иронии не могло быть и речи. Все было проще простого: пожелал молодой купчик поехать с супругой в Париж на универсальную выставку, сели в поезд и поехали, все посмотрели и вернулись. Русского читателя до слез забавляли приключения русской супружеской пары за границей потому, что непохож был быт: в ресторанах давали маленькие порции, и Николай Иванович вынужден был заказывать множество блюд; в гостинице поздно вечером не сразу давали самовар; одно было дороже, чем дома, а другое — дешевле; и все удивляло. Приключения, мелкие катастрофы, недоразумения русских в Париже были очень похожи на злоключения «простаков за границей», о которых рассказал Марк Твен в книге, вдохновившей Лейкина.

Николай Иванович и Глафира Семеновна Ивановы были в Париже — иностранцами. Персонажи «Гомо советикуса» за границей — пришельцы из космоса, или — с того света. Они непохожи на туземцев поведением, но прежде всего — взглядом на мир, отношением к людям, к религии, морали, культуре, политике.

Александр Зиновьев предвидел это, констатировав еще в Москве, что, поскольку «социальные условия Советского Союза отличаются от таковых Запада подобно тому, как биологические условия в пустыне или за Полярным кругом отличаются от условий Западной Европы и Америки», выживает и добивается социального успеха в СССР индивид, обладающий особыми, необходимыми советскому обществу качествами. В «Светлом будущем», книге, написанной еще дома, новому виду гомо сапиенс дано имя Советский человек, сокращенно — Сочек. Присмотревшись к Сочеку на Западе, Александр Зиновьев называет его гомо советикус, сокращенно — гомосос. Звучание этих двух сокращений красноречиво демонстрирует эволюцию отношения писателя к объекту наблюдения. В чужой среде Сочек превратился в гомососа: все его качества, особенности обнажились до предела, защитная окраска слиняла. «Вот стою я перед вами, словно голенький», мог бы сказать герой книги. Он говорит: вот стою я перед вами, совершенно голенький.

«Зиновьевиада» — опасный жанр. Опасный для писателя. У читателя всегда есть тенденция смешивать автора с персонажами: судить Достоевского за изнасилование, которое совершил Ставрогин. Зиновьев в своих прежних книгах давал слово множеству персонажей, некоторые из которых выражали его мысли. В «Гомо советикусе» повествование ведется от первого лица. В предисловии автора сказано прямо: «Я сам есть гомосос». Никогда еще Зиновьев не шел так глубоко в себя, изучая порождение советской системы. Джордж Оруэлл, знавший, о чем говорит, заметил: хорошие романы пишут люди, которые не боятся. Смелость Зиновьева в стремлении сказать все — о другом и о себе. Это смелость, которая нередко кажется вызовом, провокацией. Она нередко вызывает раздражение, чувство, возникающее у человека, который видит в зеркале отвратительную харю. Польский писатель Густав Герлинг-Грудзинский, великолепно знающий и тонко понимающий русскую литературу, указал на сходство героя «Гомо советикуса» с господином Голядкиным из «Двойника» Достоевского. Как известно, господин Голядкин, заглянув в зеркало, увидел господина Голядкина. Голядкин-младший, тот, в зеркале, был, — сообщает Достоевский, — стыд Голядкина-старшего, был его ужас, его кошмар. Это был, узнаем мы, другой господин Голядкин, но совершенно такой же, как и он сам, — одним словом, что называется, двойник его во всех отношениях...

Ужасная сцена встречи двух Голядкиных в зеркале почти буквально в «предисловии автора», которым начинается «Гомо советикус»: «Мое отношение к этому существу двойственное: люблю и одновременно ненавижу, уважаю и одновременно презираю, восторгаюсь и одновременно ужасаюсь». Зиновьев говорит о себе и о своем отражении: поэтому он «жесток и беспощаден» в описании гомососа.

Герой «Гомо советикуса» — «Я», эмигрант. Вместе с другими эмигрантами он живет в пансионе в некотором западноевропейском городе. «Я» покинул Ибанск, уехал из Москвы, но все свое забрал с собой. Сюжет «Гомо советикуса» неизменно тот же, что и во всех предшествующих книгах Зиновьева: возня вокруг штатных мест в институте и история строительства сооружения, функция которого раскрывается на последней странице. Не имеет значения, что в Ибанске, в Москве пост в Институте (в Академии Наук) зависел от воли КГБ, а в некотором западноевропейском городе — от иностранной спецслужбы, неважно, что в других книгах строились Сортир, Лозунг, Памятник, а здесь — Банк. Важно, что «Я» остался прежним: он переменил место жительства, забрав с собой клетку, в которой сидел.

У Станислава Лема есть рассказ, действие которого происходит на далекой планете, обитатели совершенно похожи на людей. Но общественная система на этой планете вынуждает всех

жить в воде, лучше даже — под водой. Булькание — единственный способ общения между жителями. Пропаганда делает все, чтобы убедить: лучше всего на свете быть мокрым, дышать воздухом (хотя все и вынуждены время от времени его вдыхать) — политически неверно. Цель, поставленная перед жителями этой странной планеты, — окончательно перейти на рыбий образ жизни, дышать только под водой. Герои Зиновьева, гомососы, настолько привыкли к советскому образу жизни, что стараются по-прежнему — и на Западе — дышать в воде. Пансион — корыто, в котором булькают лишенные своей среды советские люди.

В корыте все отлично видно: все качества гомососа, его добродетели и его пороки — как на ладони. Гомосос — в полный рост.

А. Зиновьев, открыватель социальных законов, определяющих характер гомососа, социального типа, наилучшим образом приспособленного к жизни в советских условиях, имел предшественников. В «Роковых яйцах» М. Булгакова описана ситуация, живо напоминающая сюжет «зиновьевиады». Под воздействием красного луча, открытого профессором Персиковым, амёбы начинали ожесточенную междуособную борьбу: «Вновь рожденные яростно набрасывались друг на друга и рвали на клочья, и глотали... Побеждали лучшие и сильные. И эти лучшие были ужасны. Во-первых, они объемом приблизительно в два раза превышали обыкновенных амёб, а во-вторых, отличались какой-то особенной злобой и резвостью». Профессор Савич в книге «Основы поведения человека», имевшей большой успех в конце 20-х годов, видел в революции процесс растормаживания, процесс сбрасывания всего того, что ему было дано культурным развитием. Руководители советской культурной революции называли этот процесс «первоначальным накоплением социалистических чувств».

В 20-е годы можно было (хотя дано это было немногим) предвидеть направление движения. А. Зиновьев демонстрирует результат: гомососа в пору зрелости, в эпоху реального социализма.

Гомосос внешне почти не отличим от человека: он — гомо. Но прилагательное: сое — гиперболизирует одни качества, ликвидирует другие, вносит третьи — новые. В числе качеств гомососа, которые прежде всего бросаются в глаза, — поразительная самоуверенность, безжалостное презрение к другим. Прежде всего — к Западу. Есть, конечно, психологические объяснения этого феномена, но есть и идеологические. С молоком матери всасывал гомосос слова поэта: на буржуев смотрим свысока; слова вождя: каждый советский человек на голову выше любого буржуазного чинуши... Социологическими причинами — социальными условиями — объясняет Зиновьев иступленную вражду между гомососами, патологическую зависть, испытываемую одним к другому. Социалистическая система — это один из законов, открытых автором «Гомо советикуса» — царство посредственностей, уничтожающих всякое проявление таланта. Поэтому особенно страдают во всех книгах Зиновьева его любимые герои — блестящие, талантливые люди. «Хуже всех приходится «Я»: его выбросила советская система, ему нет места в новой среде. Он страдает сильнее всех, ибо — он гений (стр. 155), ибо он знает: «Я» мог бы вписать свое имя в историю науки», и снова: «общество не заинтересовано в тех великих открытиях, которые могли бы вписать твое имя в историю науки» (120), и еще раз: «может быть, именно на этом пути мне суждено вписать мое имя в историю науки» (133). Но в этих заявлениях, самоуверенность которых иногда отдаёт мегаломанией, ощущается как бы неуверенность. И тогда «Я» доказывает свое превосходство, «разоблачая» всех тех, кто мог бы угрожать его гению, его исключительности. В «Зияющих высотах» был писатель, которого обитатели Ибанска называли Правдец. О нем говорилось: «Правдец все-таки бьет в самое больное место ибанского общества. В самое главное. В самый нерв его». В «Светлом будущем» Антон Зимин называет «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына «гениальным художественным произведением». Гомосос «Я» не перестает иронизировать по поводу «Писателя земли Русской» и «Великого диссидента из Союза». Гомососы пансиона единодушны только один раз: изгаляясь

над «Великим диссидентом из Союза», объявившим голодовку по поводу, который кажется им мизерным, ничтожным, жалким: помощь человеку!

Поразительная самоуверенность, чудовищная категоричность мнений, болезненное тщеславие гомососа отлично представлены Зиновьевым на примере отношения обитателей пансиона к западной культуре. В «Гомо советикусе» нет ни одного имени западного писателя, художника, актера, гомососы не ходят в музеи. Все их знакомство с западной культурой — «пустой западный фильм» в телевидении, который, видимо, тоже остался непонятым по незнанию языка. Тем не менее, гомососы не перестают осуждать «западную культуру» — пустую, низкопробную, оболванивающую людей. Их представления о культуре ни разу не выходят за рамки, поставленные «Литературной газетой», роль которой в гомососизации человека заслуживает особого изучения.

«Я» — на голову выше всех других гомососов, представленных в книге Зиновьева. Прежде всего потому, что он осознает себя гомососом, особым типом человека, несмотря на некоторые недочеты — представителем высшей породы, которой принадлежит будущее. Во-вторых, потому, что в нем с особой силой проявляется импульс, движущий всеми гомососами — страх.

В 1930 году герой пьесы А. Афиногенова «Страх» руководитель института физических стимулов профессор Бородин объявил со сцены 300 советских театров: «Мы живем в эпоху великого страха». Он добавил детали: «Молочница боится конфискации коровы, крестьянин — насильственной коллективизации, советский работник — непрерывных чисток, партийный работник боится обвинений в уклоне, научный работник — обвинения в идеализме, работник техники — обвинения во вредительстве». Профессор Бородин (прототипом которого был проф. Савич) резюмировал: «Страх ходит за человеком. Человек становится недоверчивым, замкнутым, недобросовестным, неряшливым и беспринципным». В 1930 году профессор Бородин видел лишь начало эпохи Великого Страх. С того времени прошло более полувека: страх менял упаковку, оставаясь главным, определяющим фактором формирования советского сознания, гомососа. Поразительная достоверность, адекватность (как любит говорить А. Зиновьев) «Гомо советикуса» — в атмосфере страха, которым дышат все персонажи книги. Трудно сегодня в мировой литературе найти книгу, в которой с такой интенсивностью ощущается ужас: гомососы продолжают бояться всего того, чего они боялись дома, а в дополнение боятся всего, что они видят в эмиграции. Александр Зиновьев мог бы дополнить название своей книги: «Гомо советикус — человек, который боится».

«Я», издеваясь над страхами окружающих его гомососов, боится больше всех. Ибо он — интеллигентнее всех. Среди множества тонких наблюдений, точных формулировок, метких высказываний «Я» особого внимания заслуживает констатация факта: «Пока качества гомососа наиболее высокой зрелости достигли в советских людях со сравнительно высоким уровнем культуры и образования, а также в среде самой социально активной части населения, особенно в сфере управления, науки, пропаганды, культуры, образования». Этот факт кажется мне бесспорным, как и его причина: советские люди «со сравнительно высоким уровнем», «самая социально-активная часть населения» — больше всего подвержена страху. Они боятся того, чего боятся все советские граждане, но — в большей степени. Они испытывают кроме здорового физического страха еще и болезненный страх метафизический.

Этот страх — плод воспитания «гомососа высокой зрелости». Преодолев марксизм, поняв его суть, «Я», гомосос высшей зрелости, остается отмеченным им навсегда. Прежде всего он — детерминист, он твердо знает, что история движется, и он не имеет сомнений относительно того, куда она идет. «Я хотел бы, — мечтает «Я», — хоть раз в жизни и хотя бы на короткий срок влить свою мысль и волю в какой-то ручеек большой истории». Это желание, потребность слиться с массой, как выразился Маяковский, — источник страха. Исключенный из партии Ю. Пятаков в 1928 году выражал этот ужас: «Неужели вы думаете, что в вели-

ком мировом перевороте, в котором решающим фактором будет наша партия, я буду вне ее?» Ему вторил в 1938 году Бухарин: «Жизнь для нас тяжела... Что нас спасает, это вера в то, что прогресс продолжается. Это как поток, который рвется к берегу. Выйдя из потока, вы будете выброшены в сторону». Гомосос Зиновьева не упоминает партии, он не употребляет даже слово «прогресс», но его гложет страх быть выброшенным на берег потоком истории. Как пел Луис Армстронг: когда святые идут в рай, я хочу быть в их числе...

Детерминизм гомососа — обратная сторона его убежденности в наличии суровых законов общественного развития, не знающих исключений. Отказавшись от марксовых формулировок этих законов, он сохранил веру в наличие универсального ключа, открывающего все тайны. Не менее важно и то, что убежденный в наличии универсального ключа, он твердо верит, что знает этот ключ, что он обладает Секретом.

Фундамент марксизма, науки наук — уверенность в том, что Секрет есть, что он раскрыт, строго охраняется и доступен только посвященным. От марксистов хранение Грааля — Тайны хода истории, приняли на себя советские граждане. Поклонение Секрету в Советском Союзе, где все секрет, все тайна, важнейшая марксистская черта реального социализма: тайна пугает, тайна привлекает. И каждый советский человек знает, что он Знает. Отсюда презрение гомососа к людям иной породы, прежде всего к иностранцам. Отсюда уверенность гомососа, что если он захочет, он — все раскроет. Как заявляет «Я»: дайте мне институт, и я вам раскрою Секрет.

Наличие Тайны с неизбежной необходимостью требует Хранителей. Все гомососы могут считать себя духовными хранителями Грааля, но необходимы Хранители физические. Нужны, как ласково выражаются советские люди, — Органы. Сегодня, в нынешних сложных и трудных условиях, нужно — КГБ.

Александр Зиновьев отбрасывает «детективный вздор», его не интересуют (скажем, не очень интересуют) мелкие кагэбистские шпики, мелкие чиновники — следователи или палачи. Его интересуют высшие сферы КГБ — те, в которых решаются судьбы мира, ход истории. Александр Зиновьев немало писал о КГБ в своих прежних книгах: это естественно — нельзя писать о советском обществе, опуская один из составляющих его элементов. В «Гомо советикусе» КГБ перестал быть контролирующей и охраняющей советских граждан организацией, он поглотил страну, людей, стал ими. Определение «агент КГБ» кажется «Я» — слишком узким, это «понятие ведомственное». «Я» предлагает «беспристрастное социологическое понятие «советский агент» или «агент Советского Союза», сокращенно «асе». «Я» совершенно прав: поскольку КГБ и есть Советский Союз, а Советский Союз — это КГБ, понятие «асе» как нельзя более адекватно. «Я» выполняет функции «асса», он заслан на Запад КГБ, на протяжении всей книги он вспоминает, обдумывает наставления Вдохновителя — своего Учителя в жизни и работе. «Я» — марионетка в руках Вдохновителя, пешка в сложнейшей, планетарной игре, которую ведет КГБ. И в этом смысл его жизни, радость его жизни.

По любопытному стечению обстоятельств одновременно с «Гомо советикус» вышла книга французского писателя Владимира Волкова «Монтаж». Книга Зиновьева, социологическое исследование в форме рассказа, роман Волкова содержит немало страниц острых социологических наблюдений. В. Волков, как и А. Зиновьев, рассказывает о манипуляциях КГБ — французский писатель употребляет технический термин «монтаж». Как для Зиновьева, так и для Волкова советский мир прикрыт небом, на котором восседает КГБ. Принципиальное различие между русским писателем, оказавшимся в эмиграции, и французским писателем русского происхождения, безвыездно живущим на Западе, в том, что для Волкова КГБ — это Дьявол, но существует еще и Бог; для Зиновьева КГБ — единственное божество в советском небе, а вскоре, возможно, и в небе над всем миром.

В главе «Суть дела», в которой Вдохновитель, по примеру Великого Инквизитора в «Братьях Карамазовых», излагает проект будущего, раскрывается метафизический смысл деятельности КГБ. Поняв «объективные тенденции истории», «ход истории», КГБ имеет возможность «растечься по всей планете и проникнуть во все ее поры». КГБ должен сегодня сделать то, что «в свое время сделали Маркс, Ленин, Сталин». Эта грандиозная задача требует гениев, но «интеллектуальные функции исторического гения, — объясняет Вдохновитель герою, — теперь могут выполнить только тайный агент вроде тебя и средний чиновник Органов вроде меня».

Картина мира ясна. Его судьба прочно в руках органов. Как мог бы сказать поэт: «У нас один вожатый — товарищ КГБ». Жрецам нового божества даны функции гениев и дар всевидения. «Мне все ясно, — провозглашает «Я», — причем — на много веков вперед», Жрец нового бога провозглашает Хартию гомососа: все, что бы ты ни делал, ты делаешь по указаниям КГБ, даже если ты считаешь, что ты действуешь против КГБ. В гигантском проекте КГБ предусмотрено все, есть место для всех: для агентов и диссидентов, для Запада и Востока. Борьба, сопротивление теряют смысл — доля гомососа оказывается лучшим вариантом чело-, веческой судьбы. Если КГБ — божество — всезнающее, всеильное, понявшее «объективный ход истории» — выступления против него могут только вызывать смех. Поэтому не перестает смеяться — злобно, издевательски, с чувством собственного превосходства — главный герой «Гомо советикуса», образцовый гомосос.

Две книги определяют этапы истории XX века. В 1920 году в страшном пророчестве Евгений Замятин описал будущее гомососа. Роман «Мы», дневник первого из гомососов, заканчивается уверенным заявлением: «...Я уверен — мы победим. Потому что разум должен победить». Примерно 30 лет спустя Джордж Оруэлл рассказал о победе разума. Роман «1984» заканчивается победой гомососа Уинстона Смита: «Он одержал победу над собой. Он любил Старшего Брата». Минувло еще 30 лет. Сбылись пророчества. Фантастические провидения Замятина и Оруэлла стали реальностью — реальность стала фантастической, советской: гомосос марширует по планете. Книга Зиновьева, как и романы его предшественников, заканчивается твердой уверенностью: «В соревновании гомососа с машиной будущее принадлежит гомососу».

Гомосос — победитель, идущий под водительством КГБ вперед, сметая всех на своем объективно правильном исторической пути, обладает качеством, которое делает его непобедимым. Одновременно — это его слабость. Гомосос не может быть — один. В числе страхов, терзающих его, — страх евободы, необходимости индивидуального выбора, страх оказаться вне коллектива. Слово «ностальгия» переводилось когда-то как тоска по родине. Гомососы Зиновьева, прежде всего «Я», тоскуют страстно, болезненно по здоровому советскому коллективу. Как никто другой, А. Зиновьев изобразил ад советского коллектива в своих книгах. Было легко видеть чудовищные пороки коллектива, находясь в его теплом лоне. Покинув коллектив, гомосос начинает страдать без него: он не знает, что ему делать, как ему жить. «Я» с тоской вспоминает о Сталине, при котором можно было «влииться» в историю, тоскует по прямой связи с КГБ. Тоскует по коллективу: «Ни днем ни ночью не дает покоя то, что я потерял свой коллектив».

«Я» — гомосос-интеллектуал, ученый. Его ностальгия базируется на научной теории, которая раскрывает советскую Тайну, секрет советской системы: гомосос не сотрудничает с властями, он участвует во власти. Тоска по коллективу, тоска — по зоне, это тоска по власти. Замятин понял это на заре советской власти, в годы рождения гомососа: «Две чашки весов: на одной грамм, на другой — тонна, на одной «я», на другой — «Мы», Единое Государство... Отсюда — распределение: тонне — права, грамму — обязанности; и естественный путь от ничтожества к величию: забыть, что ты — грамм, и почувствовать себя миллионной долей тонны...»

Через много лет после написания «Мы» Валентин Зэка — Валентин Соколов, вечный советский арестант и замечательный поэт, написал: «Ты душе глоток озона, здравствуй, Зона...» Псевдосвободе советского мира он предпочитал откровенную колючую проволоку лагеря. Не выдерживая западной свободы, тоскует по советскому коллективу — лагерю «Я».

«Гомо советикус» — зеркало, поставленное Александром Зиновьевым перед самим собой и перед всеми читателями. Зеркало — предельно жестокое, беспощадное по отношению к отображающемуся в нем гомососу. Книга А. Зиновьева демонстрирует расположение сил и их характеристику в «самом великом сражении в истории», как выражается Вдохновитель. Сражение уже идет: смертная схватка между гомососом и человеком. Она идет между системой, стремящейся к фабрикации гомососа, и системой, в нем не нуждающейся. Полем битвы является и каждый человек: в смертельной борьбе схватились доктор Джекил и товарищ Хайд.

В XVIII веке философы, вдохновленные успехами науки и промышленной революцией, открыли, что человеческое общество представляет собой машину, а человек — всего лишь сравнительно простой механизм. А. Зиновьев вернулся к этой теории, блестяще продемонстрировав ее — первое в истории — практическое осуществление. Непреклонно убежденный в адекватности логических законов, автор «Гомо советикуса» провозгласил неизбежность победы «разума». Более ста лет назад Ф. Достоевский, понявший смысл начавшегося сражения, выразил сомнение в его исходе: «Положим, что это закон логики, но, может быть, вовсе не человечества». Герой Достоевского, отвергая цель, отвергая логику, отвергает ее фундамент: дважды два четыре: «Я согласен, что дважды два четыре — превосходная вещь; но если уже все хвалить, то и дважды два пять премилая иногда вещичка».

С точки зрения логики, победа гомососа не вызывает сомнений. Но еще живы духовность, иррациональность, каприз, как говорит герой Достоевского. До тех пор, пока они существуют, остаются сомнения в исходе битвы.